ЕВРОПА 16.11.2018 | Винфрид Файт

Оборонная политика Европы в бедственном положении

Берлину и Парижу необходимо наконец преодолеть свои расхождения в геополитических взглядах

Читайте также эту статью на немецком языке

Под давлением Германии политика Франции в отношениях с Россией отошла от традиционно пророссийского курса. Франция отныне поддерживает политику санкций против Москвы, хотя это и не отвечает ее интересам. Такое мнение в начале года озвучила историк Элен Каррер д´Анкосс в своем выступлении перед комиссией по иностранным делам Национального собрания Франции. Элен Каррер д´Анкосс не кто-нибудь, а постоянный секретарь достопочтенной Французской академии, признанный специалист по истории России и Востока и одна из немногих предсказателей, предвидевших в 1980-е годы распад Советского Союза.

Свою речь она произнесла в бытность Зигмара Габриэля на посту министра иностранных дел, который, сохраняя верность линии своего предшественника Франка-Вальтера Штайнмайера, не желал обрывать связи с Россией и в частности поддержал проект по строительству газопровода «Северный поток – 2». Со вступлением Хайко Мааса в должность министра иностранных дел эта социал-демократическая традиция, уходящая своими корнями в восточную политику Вилли Брандта и Эгона Бара, оборвалась. Именно СДПГ стала той политической силой, которая после Второй мировой войны стремилась достичь взаимопонимания с Москвой, причем часто в жестком противостоянии с ХДС/ХСС, достаточно вспомнить лишь вотум недоверия против Вилли Брандта в 1972 году. Эта политика была продолжена и при правлении последующих социал-демократических канцлеров Хельмута Шмидта и Герхарда Шредера. Именно Шредер поддерживал тесные отношения с Владимиром Путиным, что до сих пор ставится ему в вину. Йошка Фишер, министр иностранных дел от партии зеленых в его правительстве, равно как и преемница Шредера Ангела Меркель,

напротив придерживался более сильной ориентации на США. Но в период больших коалиций с 2005 по 2009 и с 2013 по 2018 год министры иностранных дел того времени Штайнмайер и Габриэль позаботились о том, чтобы не допустить полного разрыва с Москвой даже при том, что им не удалось предотвратить санкции, наложенные в связи с аннексией Крыма.

Маас выступает за «новую восточную политику», которая в отличие от существовавшего до сих пор понимания должна стать менее ориентированной на Россию и сосредоточенной на странах Центральной и Восточной Европы. По сути своей – неплохой подход.

И вот этому сдерживающему элементу в политике Германии по отношению к России угрожает гибель. Сразу же после своего вступления в должность Маас столь критически отозвался о политике Москвы, что внес смятение даже в ряды членов правления СДПГ. Теперь взамен этого он ратует за «новую восточную политику», которая в отличие от проявленного до настоящего момента понимания должна стать менее ориентированной на Россию и сосредоточенной на странах Центральной и Восточной Европы. По сути своей – неплохой подход, ведь именно эти страны в прошлом неоднократно ощущали себя раздавленными германско-французским тандемом и испытывали угрозу из-за близости Берлина к России. В частности, важным фактором в евроазиатской архитектонике безопасности является Польша, которая долгое время всерьез не принималась в расчет. В этом контексте предстоит снова оживить «Веймарский треугольник», то есть структуру, у колыбели которой в 1991 году стояли Германия, Франция и Польша и которая по состоянию на сегодняшний день спит непробудным сном. Явно антироссийская позиция нынешнего польского правительства этому не помеха. В следующем году в Польше состоятся выборы, и тогда не исключены изменения в раскладе сил. Однако важно понимание «новой восточной политики», не направленной против России. И здесь Маасу придется снова более тесно увязать свои усилия с традициями СДПГ на восточном векторе.

Тут в игру вступает Франция. Париж традиционно поддерживает добрые отношения как с Варшавой, так и с Москвой. Еще до развала Советского Союза Франсуа Миттеран, президент Франции того времени, ратовал за расширение системы европейской безопасности с включением в нее России в унисон с представлениями советского президента Горбачева о «совместном европейском доме». После распада Советского Союза социалист Миттеран еще в 1993 году высказался против расширения НАТО на восток, чтобы избежать угрозы европейскому мирному порядку. Тем не менее его преемники Ширак и Саркози последовали курсу, исповедуемому США, в результате чего в России возникли опасения оказаться в окружении врагов. С приходом к власти Владимира Путина Москва разработала ответную стратегию, которая достигла своей кульминационной точки в 2014 году в форме кризиса в Украине и аннексии Крыма. Правда, после своего избрания Эммануэль Макрон предпринял робкие попытки наладить конструктивный диалог с Путиным. Но ввиду того, что в принципе он оставался в фарватере стратегии Германии, а тем самым и США, раскритикованной Элен Каррер д´Анкосс, эти попытки не принесли результата.

С точки зрения Парижа наибольшая опасность грозит Европе не с Востока, а с Юга, где происходят распад стран, гражданские войны, террор исламистов и наблюдается массовый поток беженцев.

Как объяснить то, что Париж, который со времен генерала де Голля постоянно отстаивал идею усиления независимой позиции Европы по отношению к своему старшему американскому брату, проявляет столь большой конформизм в этом вопросе с Вашингтоном (via Берлин)? Ответ на этот вопрос заключается в геополитическом положении Германии и Франции: если после развала Восточного блока Германия оказалась в центре Европы, Франция отодвинулась на ее юго-западный фланг. Иными словами, Париж смотрит скорее в сторону Юга, а Берлин – Востока. Следовательно, с точки зрения Парижа наибольшая опасность угрожает Европе не с Востока, а с Юга, где происходят распад стран, гражданские войны, террор исламистов и наблюдается массовый поток беженцев.

Это объясняется и исторически сложившимися связями Франции со своими бывшими колониями в Северной и Тропической Африке, а также по-прежнему довольно высоким уровнем экономической заинтересованности. В последнее время к этому следует прибавить и

темы миграции, терроризма, а также наркоторговли. Поэтому Париж в ответ на свою поддержку немецкой «восточной политики» требует более активных усилий со стороны Берлина прежде всего в Африке. Благодаря участию операции бундесвера в Мали федеральному канцлеру Ангеле Меркель удалось в определенной степени пойти навстречу этим пожеланиям. С момента всплеска миграции в 2015 году эта тема в плане безопасности стала приоритетной и для Берлина.

Все же остаются разногласия в интересах в связи с различным геополитическим положением обеих стран. Это усугубляется и различиями в политической культуре, которые особенно заметны в оборонной политике: «История Германии и культура принятия стратегических решений не позволяют прибегать к таким же формам военного вмешательства и военных активностей, как во Франции», говорится в одной из публикаций «Германского фонда Маршалла». Особенно отчетливо эти расхождения дают о себе знать на уровне совместной политики ЕС в сфере безопасности и постоянного структурированного сотрудничества (Pesco). В то время как по мнению «Германского фонда Маршалла» Париж в вопросе Pesco исповедует довольно амбициозный подход, предусматривающий привлечение немногих готовых к сотрудничеству субъектов, Берлин ратует за «инклюзивный» подход с максимальным количеством участников и ему удалось настоять на своем. С учетом 25 стран заметного прогресса вряд ли удастся достичь.

Таким образом, бедственное положение европейской политики в области обороны пока что сохранится. К этому следует добавить ослабление внутриполитических позиций Макрона и Меркель. Но так как очагов кризисов не становится меньше, политическим элитам в Берлине и Париже – а также Варшаве! – следовало бы обратить свой взор на целостный подход: Европе в целом угрожает опасность как с Юга, так и с Востока вне зависимости от геополитической привязки в каждом отдельном случае.



Винфрид Файт
Фрайбург

Д-р Винфрид Файт (Winfried Veit) – политолог и преподаватель международных отношений Фрайбургского университета. До 2011 года работал в Фонде им. Фридриха Эберта, в том числе руководителем отдела Восточной Европы и Центральной Азии, а также руководителем представительств Фонда в Южной Африке, Израиле, Париже и Женеве.